

ЭТО НУЖНО ЖИВЫМ...

Чем больше от нас удаляется военное время, тем острее и пристальнее интерес к событиям тех лет. Совет ветеранов таможенной службы и коллектив Костомукшской таможни не только проводят мероприятия по сохранению памяти о военных событиях, но и проявляют заботу о ветеранах Великой Отечественной войны.

Активно участвует в общественной жизни города Костомукши и Республики Карелия общественная историко-патриотическая организация «Стерх», сформированная в 2000 году и состоящая в основном из должностных лиц Костомукшской таможни. Создатель и руководитель «Стерха» – сотрудник таможни Алексей Заяц.

Поисковой работой он начал увлекаться, учась на историческом факультете Петрозаводского университета. Студенческое увлечение переросло в серьезное дело, без которого Алексей, а теперь и его единомышленники из таможенного поискового отряда, не представляют своей жизни. Уже много лет силами «Стерха» организуются работы по увековечению памяти погибших воинов. Практически всегда экспедиции поисковиков проходят в труднодоступных местах на рубежах обороны Карельского фронта и в приграничной зоне.

– Сезон раскопок мы обычно начинаем в конце мая, – говорит Алексей, – а заканчиваем в начале октября. За это время стараемся проработать определенный участок. Итогом военного сезона «Стерха» в 2007-ом стало открытие православного креста на братской могиле красноармейцев 44-й стрелковой дивизии, погибших в сражениях Советско-Финской войны 1939-1940 годах. По окончании той войны, в марте 1940 года в пункте пропуска Раате – Вааженвара состоялась передача останков 301 красноармейца 44-й стрелковой дивизии, умерших в госпитале финского города Раате.

Отрывочные сведения об этом событии поисковики постоянно находили в архивных и исторических документах. О наличии большого воинского захоронения в районе бывшего хутора Вааженваара говорили в личных беседах и местные жители, но точно указать место никто не мог. В 2000 году от финских историков удалось получить дополни-

тельную информацию о факте передачи останков бойцов Красной Армии, что позволило сузить район поиска. Соединив всю имеющуюся информацию, опрашивая бывших местных жителей старинной карельской деревни Ладвозеро и очевидцев тех событий, в сентябре 2004 года членам «Стерха» удалось обнаружить крупное санитарное захоронение в районе Вааженваара. По оценке специалистов, с учетом сведений о дополнительных захоронениях, в этом месте находятся останки более 400 бойцов 44-й стрелковой дивизии Красной Армии.

– Поставив православный крест на братской могиле, мы не собираемся ставить точку в этой истории. Теперь будем пытаться установить имена и фамилии захороненных там бойцов. Поисковики связались с представителями Российского государственного исторического архива, которые готовы оказать помощь в составлении поименного списка. Надеемся, что когда-нибудь здесь будет установлен обелиск с именами погибших, – продолжает А. Заяц. – Работы для нас в Карелии много. Практически на всей территории шли кровопролитные бои, и еще много наших бойцов числятся без вести пропавшими.

Костомукшские таможенники привлекают к поисковой работе детей и подростков. При средней школе № 2 создана и активно участвует в республиканской программе «Салют, Победа!» подростковая поисковая группа «Шера», шефствует над которой именно «Стерх».

Не только память о погибших объединяет сотрудников Костомукшской таможни, но и забота о живых. Уже много лет таможня шефствует над ветеранами Великой Отечественной войны Валентиной Черноусовой и Павлом Плотниковым.

В канун Дня Победы представитель Костомукшской таможни и активный член «Стерха» Карен Агамирзоев встретился с гвардии полковником в отставке Плотниковым. Павел Павлович поделился своими очень интересными воспоминаниями о том, как он, военный спецпропагандист, приближал нашу Победу.

Фото: Л. Кетова

– Павел Павлович, Вы упомянули, что в течение двух военных лет служили спецпропагандистом. Что это такое?

– Спецпропаганда явилась важнейшим средством ведения борьбы на идеологическом фронте. Моим оружием было слово. Я бил врага простым словом для достижения одной цели – давить психически, нагнетать и усиливать чувство пессимизма, неуверенности, развивать пораженческие настроения, заставляя их задумываться над последствиями дальнейшего сопротивления.

Кадры спецпропагандистов подбирались из офицеров, имевших высшее или незаконченное высшее образование – грамотные молодые люди, политически надежные, с обязательным владением немецкого языка. В феврале 1943 года меня, переводчика разведотделения штаба, назначили спецпропагандистом 154-й отдельной морской стрелковой бригады на Сталинградском фронте. С осени 1943-го я служил старшим инструктором по пропаганде среди войск противника 119-й гвардейской дивизии 3-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта.

– Какими средствами и в каких формах приходилось вести пропагандистскую работу?

– Устную пропаганду я начинал вещанием на немецком языке с помощью обычного жестяного рупора. Летом 1943 года поступила окопная звуковещательная установка, позволяющая усиливать голос до 500 метров. Обычные передачи велись ночью, с воцаре-

нием тишины на передовой. Вещание проводилось из различных укрытий: из траншей и ячеек, блиндажей и землянок, из воронок от снарядов или авиабомб, из подвала разрушенного дома. В ответ на наши передачи немцы часто отвечали огнем. Но иногда слушали с интересом и даже просили повторить. Применялись также получаемые из штаба фронта патефонные пластинки с диалогами пленных немецких солдат.

– Для чего использовался патефон?

– Немецкий солдат был стойким противником, но очень сентиментальным. У меня было несколько пластинок с записями немецких песен. Представьте, немецкий солдат, три года не слышавший никаких мирных звуков, вдруг замирал под модную тогда игривую песенку «Прекрасная мельничиха» Франца Шуберта на немецком языке! Особая тишина воцарялась на передовой, когда я ставил «Колыбельную» Моцарта. После музыкального «вступления» на передовой устанавливалась идеальная тишина. Иногда немецкими песнями, как бы в награду за то, что не открывали огонь, я заканчивал передачу.

– Как готовились тексты?

– Их основу составляли сводки Совинформбюро. Остальную программу формировал сам. Особенно тщательно готовились передачи о наших победах, таких, как на Курской дуге, у стен Сталинграда, снятие блокады и последующий разгром фашистов у Ленинграда, мощные наступательные операции Красной Армии. В 1944-м году «аргументов» уже было предостаточно. Мы давили на психику каждого гитлеровского солдата тем, что поражение их неотвратимо, и единственным средством спасти свою жизнь и после войны вернуться к своим семьям является сдача в русский плен. Сильнейший психологический удар по настроениям немецких солдат мы нанесли противнику передачей о важнейшем событии: 17 июня 1944 года по Садовому кольцу Москвы были проконвоированы 57 тысяч немецких солдат, плененных в Белоруссии. Этот факт явился сильнейшим моральным ударом по настроениям фрицев, ибо геббельсовская пропагандистская машина не сообщала своему народу всю правду.

– Как еще удавалось влиять на настроения противника?

– С помощью листовок велась печатная пропаганда. Они поступали в большом количестве из 7-го отдела Главпура. Листовки были иллюстрированными, на хорошей бумаге, про-

изводства издательства «Фронт иллюстрирте», которое издавало газеты и брошюры специально для агитации и пропаганды в среде военнопленных. Иногда удавалось распространять листовки через войсковых разведчиков, которые уходили за линию фронта и разбрасывали листовки в гитлеровских траншеях. Помню, на реке Локия (приток Ловати) мы освоили доставку листовок немцам ниже по течению на плотках. Тексты я нередко дополнял свежей информацией, допечатывая ее на машинке с немецким шрифтом.

– Вы как-то упоминали об агитминах. Что это такое?

– Производство агитационных мин наладили во фронтовых мастерских Северо-Западного фронта. Запускали агитмины из 82-миллиметрового миномета. Летела она примерно километр, а потом в ней срабатывал специальный взрыватель, который выталкивал листовки из деревянного корпуса, и они разлетались над позициями врага.

– Расскажите об участии военнопленных в устной пропаганде. Что это были за люди?

– В основном это были немецкие солдаты, добровольно сдавшиеся в плен. Мы их называли антифашистами. Они проходили подготовительные курсы в течение 4-6 недель. С июля 1943 года и до конца войны у меня в моем распоряжении было четыре таких антифашиста. Хорошо помню Вилли Рушкевица из города Иена (Тюрингия). Он был самым активным из военнопленных. Бывший узник концлагеря Дахау, осужденный в начале войны с СССР на 6 лет за распространение антифашистских настроений, Вилли попал в штрафной батальон и в 1942 году сдался в плен. Через два дня Вилли уже выступал с обращением к немецким солдатам последовать его примеру. После войны, когда я служил в Советской военной администрации в Германии, я встречался с Рушкевицем.

– Павел Павлович, в таком солидном возрасте, с ограничением по зрению, Вы продолжаете посещать школы города, проводить встречи со школьниками на уроках военной истории нашего Отечества...

– Когда позволяет здоровье, никогда не отказываюсь от приглашения посетить школу для встречи с учениками. И прекрасно ориентируюсь во всех школах. Вы спросите, как? Я просто помню количество ступенек, ведущих в каждую школу...

Людмила КЕТОВА